

Луначарский Анатолий Васильевич

Религия и социализм

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А64

А64 **Анатолий Васильевич Л.**
Религия и социализм: Том 1 / Луначарский Анатолий Васильевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 233 с.

ISBN 978-5-519-94104-4

ISBN 978-5-519-94104-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РЕЛИГІЯ И СОЦІАЛІЗМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Предисловіе.

I.

Настоящая работа въ самыхъ существенныхъ своихъ чертахъ задумана около 10 лѣтъ тому назадъ, въ годы ранней молодости. Основныя идеи: о сущности религіи вообще, о смыслѣ и направленіи развитія религіозности, о связи научнаго социализма съ завѣтными чаяніями человѣчества выраженными въ религіозныхъ міѡахъ и догмахъ и смѣнившихъ ихъ метафизическихъ системахъ, о центральномъ мѣстѣ „труда“ въ новомъ міросозерцаніи—всѣ эти идеи уже рано зародились въ умѣ автора и, не измѣняясь въ существѣ своемъ, лишь прояснялись и упрочивались по мѣрѣ болѣе глубокаго ознакомленія съ исторіей религіи и философіи и съ научнымъ социализмомъ.

Въ 1898 году авторъ прочелъ въ Кіевѣ рефератъ „Идеализмъ и марксизмъ“,—въ которомъ былъ данъ первый очеркъ его идей. Между другими оппонентами находился и г. Бердяевъ, тогда еще совсѣмъ юноша, и по воззрѣніямъ своимъ не ушедшій еще такъ далеко отъ социалдемократіи, какъ теперь. Рефератъ показалъ даже, что мы, безъ нашего вѣдома, но конечно не случайно, работали въ сущности надъ той же проблемой. Но какъ различны были ре-

зультаты! Если первый реферат пишущаго эти строки на философскую тему встрѣтилъ очень дружественную критику со стороны Н. Бердяева, то одна изъ первыхъ его серьезныхъ статей, черезъ три года послѣ того, волей неволей должна была стать беспощадной критикой возрѣвнй Бердяева, „обулгаченнаго“ къ тому времени совершенно.

Работа автора шла своимъ чередомъ, нельзя сказать, однако, чтобы достаточно систематично, такъ какъ тюрьмы, ссылки, практическая работа и рядъ частныхъ обстоятельствъ являлись сильными препятствіями для такой систематичности.

Первоначальный планъ работы былъ задуманъ очень широко. [Это должна была быть цѣлая исторія религіи съ матеріалистической точки зрѣнія, со включеніемъ въ нее европейской метафизики, утопическаго социализма и, наконецъ, научнаго социализма.] Матеріаль накоплялся, но открывались все новые горизонты, а свободнаго времени становилось все меньше. Наконецъ, воспользовавшись мѣсяцами не совсѣмъ добровольной свободы отъ „текущей жизни“, авторъ рѣшилъ радикально пересмотрѣть планъ и, не гоняясь за полнотой, дать *идейный абрисъ* своей теоріи, оставивъ лишь на важнѣйшихъ опорныхъ пунктахъ. /Теперь дѣло идетъ уже не объ исторіи религіи, а только о болѣе или менѣе глубокомъ изслѣдованіи взаимоотношеній религіи и социализма, [объ опредѣленіи мѣста социализма среди другихъ религіозныхъ системъ.] /

Не только соображенія о колоссальныхъ трудностяхъ выполнения работы по первоначальному плану, не только сознание того, что обстоятельства не позволяютъ отдать 2—3 года сплошнаго, методическаго труда, необходимаго для его выполнения, руководило авторомъ: для него было ясно, что научный трудъ въ 2—3 тома съ большимъ количествомъ фактическаго багажа—будетъ мало доступенъ для *широкой* публики и скорѣе заслонитъ, чѣмъ усилитъ то новое, жизненно важное, что автору хотѣлось бы высказать.

Но распредѣляя свой матеріаль такимъ образомъ, чтобы изложить его въ небольшой книгѣ на 20 печатныхъ листахъ, авторъ часто съ болѣю сердечной отбрасывалъ то

или другое интересное построение, исследование, догадку, обобщение. Поэтому онъ рѣшилъ издать отдѣльно для тѣхъ читателей, которые заинтересуются его идеями, наиболѣе важные фрагменты задуманной прежде большой работы.

II.

Исконный, съ дѣтскихъ годовъ проявившійся интересъ автора къ религіознымъ и художественнымъ выраженіямъ сердечной жизни человѣка не могъ не вырасти до размѣровъ и значенія настоящей *проблемы жизни* послѣ восторженнаго „обращенія въ марксизмъ“. Никогда не воспринимался онъ авторомъ, какъ „сухая“ экономическая теорія, какъ объективное фактическое исследование и только. Конечно, наличность и важность этихъ элементовъ въ научномъ социализмѣ была ясна автору, но прежде всего научный социализмъ былъ для него синтетической философіей, гармонически соединявшей идеаль и практику, реалистически и революціонно увѣнчавшей собою грандіозный, глубоко волнующій душу порывъ мысли учителей Маркса—великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ.

Чѣмъ былъ Гегель и позднѣе Фейербахъ для Герцена и его друзей, тѣмъ былъ для нашего поколѣнія Марксъ. Глубокая практичность, объективность его, желѣзная логика, почти всегда нарочито трезвый, почти сухой языкъ—не заслонили отъ насъ тепла и свѣта, сердца его системы.

Другой великанъ мысли „мастеръ владимірской фабрики кожевенныхъ издѣлій“ Іосифъ Дицгенъ горячимъ письмомъ отвѣтилъ на „откровеніе“ Маркса: „Вы впервые въ ясной неопровержимой научной формѣ высказали то, что отнынѣ станетъ сознательной тенденціей историческаго развитія, а именно тенденцію подчинить человѣческому сознанію бывшую до сихъ поръ слѣпою естественную силу общественнаго процесса производства“. Именно эта сторона поражала и привлекала и насъ. А головокружительные горизонты, которые великіе пророки производительныхъ силъ человѣчества, отъ Бэкона Веруламскаго до Сень-Симона, открыва-

ли передъ воображеніемъ, дѣлали понятнымъ „эстетическій и религіозный вѣсъ“ человѣческаго труда. „Философы старыхъ школъ познавали міръ, задача новой философіи—передѣлать его“.

Но въ то же время пишущему эти строки казалось, что никто въ достаточной мѣрѣ не подчеркнулъ этой *эстетической и религіозной цѣнности* новаго міросозерцанія и самого рабочаго движенія. Понятно было и то, почему это случилось. Задачей Маркса и Энгельса было освѣтить дѣйствительность подъ угломъ зрѣнія необходимости, т. е. научнаго познания. Задача *оцѣнки* совершенно справедливо почиталась ими второстепенной, можетъ быть третъестепенной.

Но полнота *человѣческаго* отношенія къ міру получается лишь тогда, когда его процессы не только познаны, но и оцѣнены. Человѣкъ есть существо познающее и оцѣнивающее, лишь изъ познанія и *оцѣнки* вытекаетъ дѣйствіе. Пусть задача опредѣлить основы и характеръ новой пролетарской *мірооцѣнки* и выяснить ея мѣсто въ ряду другихъ мірооцѣнокъ въ прошломъ и настоящемъ значительно менѣе важна, чѣмъ задача обосновать *научное* пролетарское міросозерцаніе,—отсюда нельзя еще сдѣлать вывода о томъ, что она маловажна.

Въ умѣ автора стало обрисовываться нѣчто въ родѣ системы эстетики, взятой въ самомъ общемъ смыслѣ, т. е. какъ наука о человѣческихъ оцѣнкахъ вообще. Приходится остановиться на этой мысли въ настоящемъ предисловіи.

Прежде всего оцѣнка есть психологическій фактъ. Всѣ и всевозможныя оцѣнки отъ самой грубой до всеобъемлющаго идеала имѣютъ въ основѣ своей психологическій фактъ удовольствія и отвращенія. Организмъ не только ощущаетъ, но ощущенія кажутся ему окрашенными въ эти два психологическіе колорита, въ различнѣйшихъ степеняхъ и нюансахъ. Физиологическая основа этого психологическаго факта довольно ясна. Автору до сихъ поръ кажется непоколебленнымъ Авенаріусовское физиологическое объясненіе этой окраски (теорія аффекціонала). Примитивнѣйшій фактъ—стремленіе продлить пріятное ощущеніе, полезное для организма, и прервать вредоносное, какъ актъ самосохраненія орга-

низма—вотъ зерно, изъ котораго развернулось все богатство чувствъ, аффектовъ, эмоцій, стремленій; сперва развертываніе это имѣетъ характеръ по преимуществу біологическій (зоологическій), а потомъ все болѣе характеръ соціальный. Какъ познаніе человѣческое, какъ трудъ его, такъ и его оцѣнки развивались подъ непосредственнымъ вліяніемъ среды космической и еще болѣе—среды соціальной, и законы этого развитія могутъ быть открыты лишь при помощи все того же историко-матеріалистическаго, или монистическаго метода.

Вся та часть эстетики, которая разсматриваетъ „оцѣнку“ какъ біосоціологическій фактъ, находитъ мѣсто ея среди другихъ проявленій видовой и индивидуальной жизни человѣка,—можетъ быть названа „*Біологической эстетикой*“, включая въ понятіе біологію и соціологію, какъ ея осложненное проявленіе. Но эстетика не можетъ ограничиться этимъ. Припомнимъ, что само познаніе можетъ быть предметомъ біосоціологическаго изученія, т. е. наука можетъ искать мѣсто и объяснять значеніе самого познанія въ ряду другихъ проявленій индивидуальной и соціальной жизни. Въ результатъ такого изученія познанія, (новые основы котораго положилъ въ особенности Авенаріусъ въ своей „Критикѣ чистаго опыта“), неизбѣжно является убѣжденіе въ глубокой относительности плодовъ познанія. Современное состояніе науки, современное міросозерцаніе перестаетъ казаться точнымъ отраженіемъ въ „разумѣ“ или „субъектѣ“ матеріи, міра, или объекта, а становится одной изъ ступеней въ трудовомъ развитіи человѣка, въ медленномъ стремленіи его, обусловленномъ особенностями его организма,—*обмозговать*, очеловѣчить внѣшнее, среду: весь человѣческій міръ есть трудовой продуктъ, результатъ соціально-трудового, въ широкомъ смыслѣ этого слова, соприкосновенія человѣка и стихій. Такимъ образомъ то, что мы называемъ „нашимъ міромъ“, есть лишь относительное равновѣсіе „соціальнаго мозга“ и внѣшнихъ силъ. Это создаетъ возможность, даже необходимость представленія о другихъ, высшихъ (какъ и низшихъ) міровоспріятіяхъ и міросозерцаніяхъ. Однако, глубокое сознаніе относительности нашего міросозерцанія не

мѣшаетъ намъ исходить изъ данныхъ нашей науки, какъ изъ чего-то неизблемаго, строить теоріи о прошломъ и будущемъ міра, строить исторію самого нашего познанія. И это единственно правильное поведеніе. Нельзя упускать изъ виду относительности всякихъ принциповъ, законовъ, даже аксіомъ. Но, покуда они практически не приводятъ къ противорѣчіямъ и не могутъ быть замѣнены лучшими,—мы должны стремиться именно *ихъ* свѣтомъ освѣтить міръ, при *ихъ* именно помощи расширить предѣлы человѣчески познанаго.

То же повторяется и съ оцѣнкой. Біологическая эстетика не можетъ не привести насъ къ заключенію объ относительности всѣхъ и всякихъ оцѣнокъ. И то, что выясняется предъ нами *рядомъ съ новымъ пролетарскимъ міросозерцаніемъ, какъ новая пролетарская мірооцѣнка*—тоже конечно относительная, преходящая и, во всякомъ случаѣ, чисто-человѣческая субъективная форма чувствованія. Но для насъ, въ предѣлахъ нашей эпохи, мы можемъ исходить изъ этой оцѣнки, не только какъ изъ установившейся но, что много радостнѣй, какъ изъ устанавливающейся для „завтрашняго дня“. Это и даетъ возможность созданія „*Нормативной эстетики*“, конечно, не абсолютной.

Наша нормативная эстетика, устанавливая критерій, нормы оцѣнки—не думаетъ, будто открываетъ объективные законы цѣнности, а стремится лишь внести порядокъ въ существующія сужденія (въ понятія о добрѣ и злѣ, красотѣ и безобразіи и имъ под.), какими они создаются въ нашу эпоху смѣны и борьбы двухъ міровъ: буржуазно-индивидуалистическаго и пролетарско-соціалистическаго. Здѣсь надо упомянуть лишь тотъ основной критерій, который, какъ кажется автору, лежитъ въ основаніи эстетики: это понятіе *махімумъ*’а жизни, возможно болѣе-шей жизненной мощи. Принципъ единства въ разнообразіи, или возможно болѣе-полнаго единства при возможно болѣе-богатствѣ элементовъ—выражаетъ въ сущности то же, но какъ всякій „гармоническій“ принципъ не достаточно подчеркиваетъ *динамическую* сторону того, что почитается положительнымъ. Кромѣ того, критеріи *махімумъ*’а жизни, при

проникновеніи въ біологическую и соціальную сущность этого идеала (ибо это и критерій и идеаль) является принципомъ высоко-соціальнымъ и совпадаетъ съ принципомъ совершенства вида (принципомъ, который открыто провозгласилъ и Марксъ). Нормативная эстетика располагаетъ систематически всѣ цѣнности міра (природы и жизни) вокругъ этого идеала. Біологическая эстетика не только выясняетъ біологическую сущность этого идеала, но и служитъ ему мощной опорой, открывая *именно его развитіе*, его эмбріональныя формы въ другихъ идеалахъ, другихъ критеріяхъ, и ясно показывая, что отклоненія отъ него, противорѣчія ему, если не являются этапами его собственнаго развитія—имѣютъ біологически и соціально-экономически характеръ болѣзни и регресса. Біологическая эстетика раскрываетъ, что идеаль maximum'a, жизни, видового совершенства челоуѣка, мощи вида, побѣды разума надъ стихіей (выраженія одной и той же сущности) и есть психическое выраженіе фактически наиболѣе могучаго прогресса жизни фізіологической и соціально-экономической; она открываетъ также и то, *какъ и почему* идеаль въ свою очередь является силой, повышающей энергію индивидуальнаго и общественнаго развитія.

Приходится ограничиться здѣсь этими самыми общими штрихами. До сихъ поръ автору удалось лишь набросать общій очеркъ позитивной эстетики, напечатанный въ сборникѣ „Очерки реалистическаго міросозерцанія“. Очеркъ этотъ весьма нуждается въ дополненіяхъ.

Читатель пойметъ, насколько вышеизложенныя идеи должны были показаться автору своевременными, когда началось столь усиленное на первыхъ порахъ выступленіе „идеализировавшихся“ эксмарксистовъ. Они исходили какъ будто изъ той же потребности. Г. Бердяевъ отчетливо формулировалъ задачу: по Марксу соціализмъ есть соціологическая необходимость, но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ есть благо? По Марксу соціализмъ есть классовое дѣло пролетаріата. Но слѣдуетъ ли отсюда, что это также дѣло всего челоуѣчества, за исключеніемъ своекорыстныхъ? Словомъ, нельзя ли доказать, что соціализмъ есть наивысшій мысли-

мый въ настоящее время общественный идеаль, безотносительно къ интересамъ того или другого отдѣльнаго класса и независимо отъ вопроса о неизбежности его наступленія.

Многіе правовѣрные марксисты просто не видѣли вопроса и задачи тамъ, гдѣ ихъ видѣлъ Бердяевъ. Они даже утверждали иногда, что идеаль можетъ быть только классовымъ, и что задача доказывать его безотносительную высоту, его объективныя преимущества — пустая задача. Достаточно этихъ двухъ положеній: пролетаріату выгоденъ социализмъ; социализмъ придетъ по законамъ развитія и разложенія капиталистическаго общества.

Это было узкое сужденіе. Правда носители его говорили: кого собираетесь уловлять вы вашими объективными доказательствами высоты социалистическаго идеала? Социализмъ не вѣра, жаждущая прозелитовъ внѣ пролетаріата, а чисто классовая задача пролетаріата. Прибавляли даже, что союзники изъ другихъ классовъ не только не нужны, но вредны ему

Повторяю—это узкое сужденіе. Къ диктатурѣ пролетаріата естественной подготовкой служить идейная гегемонія пролетаріата. Можно пожалуй отрицать пользу вступленія въ партію с.-д. союзниковъ изъ интеллигенціи и мелкой буржуазіи, но важность широкихъ *симпатій* въ средѣ всѣхъ передовыхъ людей и всѣхъ обездоленныхъ къ пролетаріату и его знамени можетъ отрицать только слѣпой. Ибо уже безусловно ясно: противъ *всѣхъ* пролетаріатъ не завоеуетъ и не удержитъ диктатуру. Вотъ почему идейная пропаганда социализма вещь важная. А доказательство объективной высоты социалистическаго идеала (не только для наемнаго рабочаго, но для каждаго мыслящаго и чувствующаго не испорченнаго классовымъ эгоизмомъ или предрасудками человѣка) есть прямой путь къ завоеванію симпатій, путь часто гораздо болѣе правильный и приводящій къ болѣе прочнымъ результатамъ, чѣмъ парламентскія услуги социаль-демократіи разнымъ непролетарскимъ группамъ въ различныхъ частныхъ случаяхъ.

Кромѣ того боевая способность пролетаріата поднимается, когда онъ видитъ свое дѣло вѣрнымъ при свѣтѣ науки, высокимъ при свѣтѣ идеала. /